

**ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**Материалы I Всероссийской конференции
аспирантов, магистрантов, студентов**

Красноярск, 18 ноября 2015 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО:
история и перспективы развития

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

**Материалы I Всероссийской конференции
аспирантов, магистрантов, студентов**

Красноярск, 18 ноября 2015 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2015

ББК 63.3
С 692

Редакционная коллегия:

Д.В. Григорьев (отв. ред.)

Е.Л. Зберовская

Е.С. Меер

Д.В. Зайцев

С 692 **Социально-политические процессы в истории мировых цивилизаций:** материалы I Всероссийской конференции аспирантов, магистрантов, студентов. Красноярск, 18 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. / отв. ред. Д.В. Григорьев; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2015. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-932-4

ББК 63.3

ISBN 978-5-85981-932-4
(IV Международный
научно-образовательный форум
«Человек, семья и общество:
история и перспективы развития»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2015

Л.Х. Аушева

**ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ Х. ОРТЕГА-И-ГАССЕТА
«ВОССТАНИЕ МАСС»**

Массы, восстание масс, диктатура масс, цивилизация, западное общество.

В статье с опорой на работу Х. Ортега-и-Гассета рассматривается известный, но мало изученный феномен – восстание масс, как симптом кризисного состояния современного общества.

L.H. Ausheva

**THE PROBLEM OF PERSONALITY
IN THE WORKS OF ORTEGA Y GASSET
«REVOLT OF THE MASSES»**

Masses, the revolt of the masses, dictatorship of the masses, civilization, western society.

In this paper with reliance on work of H. Ortega y Gasset regarded known, but insufficiently explored phenomenon – the revolt of the masses, as a symptom of crisis state of modern society.

*Неприкаянная, невостребованная жизнь –
большой антипод жизни, чем сама смерть.
Жизнь – это обязательство что-то совершить,
исполнение долга, и, уклоняясь от него,
мы отрекаемся от жизни.*

Ортега-и-Гассет

Экзистенциальная философия всегда в центре познания ставила личность. Современный мир предъявляет особые условия к личности и методам ее исследования. В связи с этим обращение к багажу экзистенциальной философии выглядит актуальным.

Ключевые понятия книги Ортега-и-Гассета, которое мы должны уяснить, – это «массы» и «меньшинства». Существует два актора истории: личность и масса. Если личность – это достаточно изученный феномен, то массы сегодня выступают в новых ролях. Если раньше масса всегда

возглавлялась личностью, то сегодня масса обходится без нее, что понимается автором как «диктатура масс».

Личность – это меньшинство. Личностей объединяет не общие интересы, потребности, а их способность не соглашаться с большинством, не растворяться в толпе. Люди масс – потребители, рожденные цивилизацией, воспринявшие ее плоды как способ обслуживания собственных потребностей. Их определяет не сплоченность, а скудность. Быть человеком массы – это значит находиться в определенном психическом состоянии, при котором человек не имеет индивидуальности.

Люди масс не стремятся изменить социальную действительность, они довольствуются тем набором знаний и умений, который у них уже сложился. Рост для «масс» не что иное, как экономическое благополучие. Истина воспринимается ими как абсолютная единица, следовательно, они не терпят критики в адрес своего восприятия.

Массовое мышление – это мышление тех, у кого на любой вопрос заранее готов ответ, что не составляет труда и вполне их устраивает [3, с. 62]. Еще античный философ Сократ говорил, что истина не точный показатель и мудр не тот, кто говорит, а тот, кто задает вопросы. Массы не требуют ответов, хорошо поданная информация становится для них абсолютной истиной.

Важным для Ортега-и-Гассета также является вопрос развития. Цивилизация для него не что иное, как результат эволюции человека, общества. «Цивилизация не дана нам готовой, сама себя она не поддержит. Она искусственна, требует художника, мастера» [3, с. 83]. Мастер в понимании Гассета – это человек, создающий благо. Гассет считает, благо – это продукт интеллектуального труда. Он пишет, что для «масс» благо не средство прогресса, а ресурс. Они присваивают блага, распоряжаются ими, но при этом не чувствуют благодарности по отношению к предыдущему поколению за эти блага. Воспринимая благо как обыденное, массы не способны понимать инструментального значения изо-

бретенных благ. Благо становится не способом воспроизведения собственного бытия, а средством существования.

Интересно то, что в представлении Гассета люди масс не глупы, но они выбрали удобную для себя позицию приспособленцев, конформистов. Человек масс возник не случайно – он естественный продукт своей цивилизации. Ортега-и-Гассет сравнивает массы с избалованным ребенком, которого не воспитывали, а, наоборот, всячески поощряли его несостоятельность.

Идея масс встречается не только в работе Ортега-и-Гассета.

Например, Г.В.Ф. Гегель считал, что феномен масс не является чем-то уникальным, для него масса не может выйти на передовую истории. В философии Гегеля масса – не что иное, как послушное средство в руках «героев» [1] или клерикалов.

В учении Ф.В. Ницше присутствует понятие сверхчеловека. Но если для Ортега-и-Гассета личность противопоставит массе, то для Ницше сверхчеловек возрождается из массы, т. е. появляется тогда, когда он необходим обществу, находящемуся в кризисном состоянии. В этом взгляды Ницше схожи с идеей Л.Н. Гумелева о пассионарности. Лидеры – пассионарии, выступают как некий толчок для развития, тогда как в период отсутствия пассионарных личностей, «массы» находятся в состоянии покоя.

Идеи Гассета разделяет немецкий философ Карл Ясперс. Массы для него – типичный продукт определенного исторического этапа [5, с.5]; при этом массы – это не классовая составляющая, а личностная характеристика. Актуальность данного явления он обосновывает сложившимся политическим режимом. Масса как совокупность людей, составленных внутри аппарата по упорядочению существования таким образом, чтобы решающее значение имели воля и свойства большинства, является постоянно действующей силой нашего мира, которая в публице и массах в качестве толпы принимает облик преходящего явления [5, с. 46].

Страшным явлением для Ортега-и-Гассета является подавление личности массами. Данный инструмент (подавления) хорошо был описан Г. Лебоном в его труде «Психология народов». Согласно его размышлениям, «верховным властелином современности является общественное мнение, и было бы совершенно невозможно не следовать за ним» [2, с.1]. Личность не может действовать в противовес «общественному мнению», иначе общество вступает в конфронтацию с личностью.

Идея масс не устарела и для современного общества. Она присутствует в работах исследователей нашего времени. Примером может послужить работа профессора Лондонского университета Гая Стэндинга «Прекариат: новый опасный класс». Но если Ортега-и-Гассет не рассматривает данный вопрос как классовый, а определяет в массы по личным характеристикам, то в работе Гая Стэндинга речь идет о классовом обществе. Гай Стэндинг хоть и не напрямую, но все же затрагивает проблемы борьбы масс и элит за политическое господство. Автор рассматривает прекариат как основной слой общества, лишенный основных гарантий на стабильную жизнь. Прекариат – это жертва сложившегося устройства, но в то же время для существующей системы он опасен, поскольку представлен широкими слоями населения. По мнению исследователя, прекариат не аполитичен, а скорее, наоборот, активен в стремлении защитить свои интересы, и данное стремление оправданно. И если в работе Ортега-и-Гассета массы не рассматриваются как производители благ, то Стэндинг говорит об исключительной роли прекариата в создании материальных и нематериальных ценностей.

В заключение хочется сказать, что проблема, поднятая в работе «Восстание масс», остается дискуссионной на протяжении долгого периода и далека от разрешения. Распространение массовой культуры и растворение в ней элитарной, формирование массового мышления, потребительское отношение к жизни, неспособность критически вос-

принимать информацию – все это, и не только, характеризует современное общество.

Опасность массы как явления, по мнению Х. Ортега-и-Гассет, в том, что выдвигание масс на передний план является признаком будущей гибели цивилизации.

Со многими выводами великого мыслителя можно согласиться, однако необходимо отметить, что его мышление не диалектично. Личность и масса диалектически взаимосвязаны. Творчество личности только тогда становится источником прогресса общества, если оно поддержано массами.

Библиографический список и источники

1. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века: учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. шк., 1989. 480 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова. 1898. 311 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 347 с.
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem, 2014. 328 с.
5. Ясперс К. Духовная ситуация времени. Лейпциг, 1932. 527 с.

Д.В. Зайцев

ПЕРВАЯ АФИНСКАЯ КЛЕРУХИЯ НА ЭВБЕЕ И ИТОГИ ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ

Эвбея, Лелантская война, клерухия, Афины.

В статье рассматривается проблема итогов Лелантской войны – одного из самых загадочных событий в истории архаической Эллады. Не имея прямых указаний на победителя конфликта, исследователи выдвигают предположения, основываясь на косвенных данных. Одним из примеров подобного подхода является гипотеза, основанная на сведениях Геродота, сообщающего, что Лелантской долиной в конце архаического периода владели халкидяне. В поддержку этой точки зрения порой привлекаются и данные Клавдия Элиана. В статье проводится критический анализа имеющейся источниковой базы и делается вывод о недостаточной обоснованности этой гипотезы.

THE FIRST ATHENIAN CLERUCHY ON EUBOEA AND RESULTS OF LELANTINE WAR

Euboea, Lelantine war, Cleruchy, Athens.

In the article is considered problem of results of Lelantine war – one of the most mysterious event in the history of archaic Hellas. Without having direct evidence on the winner of conflict researchers make assumption based on indirect data. One of examples of this approach is the hypothesis based on data of Herodotus, which reports, that Lelantine plain is belonged to chalkidians in the end of archaic period. In support of this point of view are attracted sometimes also data of Claudius Aelianus. In the article is carried out critical analysis of the available source's base and is made the conclusion about insufficient justification of this hypothesis.

В пятой книге своего труда Геродот рассказывает о том, как в конце VI в. до н.э. беотийцы и халкидяне вторглись в Аттику одновременно со спартанскими войсками Клеомена. Далее, галикарнасский историк сообщает следующее (Herod. V. 77): «Еще в тот же самый день афиняне переправились на Эвбею, напали на халкидян и также одолели их. После победы они оставили четыре тысячи клерухов-поселенцев на земле гиппоботов (гиппоботами назывались халкидские богачи)»¹. Подтверждает эту информацию Диодор Сицилийский (Diod. X. 24. 3)² и Павсаний (Paus. I. 28. 2), упоминающий медную колесницу, сделанную из десятой доли добычи после победы над беотянами и халкидянами³. Кроме того, имеются и эпиграфические находки, подтверждающие историчность сообщения Геродота [2, с. 70–71].

¹ "Ὅτι Ἀθηναῖοι δεξιῶς τῆ νίκῃ χρησάμενοι καὶ νικήσαντες Βοιωτοῦς τε καὶ Χαλκιδεῖς, εὐθὺς ἀπὸ τῆς μάχης Χαλκίδος ἐκυρίευσαν. ἐκ τῆς ὠφελείας τῆς τῶν Βοιωτῶν δεκάτην ἄρμα χαλκοῦν εἰς τὴν ἀκρόπολιν ἀνέθεσαν τὸδε τὸ ἐλεγείῳ ἐπιγράψαντες, ἔθνεα Βοιωτῶν καὶ Χαλκιδέων δαμάσαντες παῖδες Ἀθηναίων ἐργασίην ἐν πολέμῳ δεσμῶ ἐν ἀγλυόεντι σιδηρέῳ ἔσβεσαν ὕβριν· ὧν ἵππους δεκάτην Παλλάδι τάσδ' ἔθεσαν.

² "Ὅτι Ἀθηναῖοι δεξιῶς τῆ νίκῃ χρησάμενοι καὶ νικήσαντες Βοιωτοῦς τε καὶ Χαλκιδεῖς, εὐθὺς ἀπὸ τῆς μάχης Χαλκίδος ἐκυρίευσαν. ἐκ τῆς ὠφελείας τῆς τῶν Βοιωτῶν δεκάτην ἄρμα χαλκοῦν εἰς τὴν ἀκρόπολιν ἀνέθεσαν τὸδε τὸ ἐλεγείῳ ἐπιγράψαντες, ἔθνεα Βοιωτῶν καὶ Χαλκιδέων δαμάσαντες παῖδες Ἀθηναίων ἐργασίην ἐν πολέμῳ δεσμῶ ἐν ἀγλυόεντι σιδηρέῳ ἔσβεσαν ὕβριν ὧν ἵππους δεκάτην Παλλάδι τάσδ' ἔθεσαν.

³ καὶ ἄρμα κείται χαλκοῦν ἀπὸ Βοιωτῶν δεκάτη καὶ Χαλκιδέων τῶν ἐν Εὐβοίᾳ.

Клерухия на Эвбее просуществовала недолго. Уже в 490 г. до н.э. во время похода Датиса и Артаферна колонисты были отправлены для помощи эретрийцам. Однако четырехтысячный отряд афинян не дождался появления врагов. Как свидетельствует все тот же Геродот, жители Эретрии были охвачены паникой и планировали, покинув полис, уйти в горы. В результате некий Эсхин посоветовал афинянам вернуться домой. Афиняне послушались совета эретрийца и переправились в Ороп (Herod. VI. 100–101). Эти клерухи, вероятно, впоследствии приняли участие в Марафонской битве.

Таковы наши прямые сведения о первой афинской клерухии на Эвбее. Впрочем, есть еще одно сообщение, которое периодически привлекается авторами для решения рассматриваемой проблемы. Речь идет о небольшом фрагменте из «Пестрых рассказов» Элиана (Var. Hist. VI. 1), который пишет о том, что афиняне поселили две тысячи клерухов на землях Лелантской долины, принадлежавших гипсоботам⁴, однако никак не указывает время, в которое эта колония была основана. Мнения в историографии разделились. Одни исследователи считают, что речь в сообщении Элиана идет именно о первой афинской клерухии, аргументируя это тем, что римский автор упоминает гипсоботов [5, с. 417]. Другие, обращая внимание на разницу в численности колонистов, считают, что сообщение Элиана следует относить к позднейшей афинской клерухии, основанной в 447 г. до н.э. [2, с. 73–75; 4, с.5]. Помогает аргументировать последнюю точку зрения и филологический анализ. Геродот пишет лишь о том, что афиняне «оставили» (λείπουσι) на землях халкидян четыре тысячи клерухов (тетρακισχιλίους κληρούχους). Элиан же использует формулировку «разделили между собой землю на две тысячи клеров» (κατεκληρούχησαν αὐτῶν τὴν γῆν ἐς δισχιλίους κλήρους), выделили другую часть под теменос Афины (τεμένη δὲ ἀνήκαν

⁴ Ἴ�θηναῖοι κρατήσαντες Χαλκιδέων κατεκληρούχησαν αὐτῶν τὴν γῆν ἐς δισχιλίους κλήρους, τὴν Ἰππόβοτον καλουμένην χώραν, τεμένη δὲ ἀνήκαν τῇ Ἀθηνᾶ ἐν τῷ Ληλάντῳ ὀνομαζομένῳ τόπῳ, τὴν δὲ λοιπὴν ἐμίσθωσαν κατὰ τὰς στήλας τὰς πρὸς τῇ βασιλείῳ στοᾷ ἐστηκυίας, αἵπερ οὖν τὰ τῶν μισθώσεων ὑπομνήματα εἶχον. τοὺς δὲ αἰχμαλώτους ἔδησαν, καὶ οὐδὲ ἐνταῦθα ἔσβησαν τὸν κατὰ Χαλκιδέων θυμόν.

τῆ Ἀθηνῶν), а часть земли была сдана в аренду (ἐμίσθωσαν). Однако Геродот не обращает внимания на эту необычную практику, хотя и отмечает при этом статус колонистов⁵.

Мы столь подробно остановились на экскурсии в историю афинской клерухии в силу того, что именно к этому материалу обращаются исследователи, решающие проблему исхода Лелантской войны⁶. Проблема вызвана, собственно, тем, что у нас нет прямых данных источников о результатах конфликта⁷. Несмотря на это, в историографии среди тех ученых, которые признают историчность войны⁸, превагирует точка зрения о победе в Лелантской войне халкидян [7, р.40; 9, р. 225, 238, 241; 10, р. 36; 15, р. 90–91; 24, р. 69]. Очень немногочисленны сторонники гипотезы о победе в конфликте эретриан⁹.

В рамках данной работы мы остановимся на том, возможно ли в принципе привлечение данных об истории первой афинской клерухии на Эвбее к решению проблемы итогов Лелантской войны и постараемся высказать некоторые соображения по возможностям решения самой этой проблемы.

Исследователи, выступающие за то, что в Лелантской войне победу одержала Халкида, основывают свои выводы на нескольких аргументах. Первый – это сообщение Плутарха (Amat. Narr. XVII = Mor. 761a), рассказывающего о судьбе фессалийского вождя Клеомаха, прибывшего со своей кон-

⁵ Стоит обратить внимание и на то, что сдача земли в аренду была, судя по эпиграфическим источникам, запрещена для клерухов [2, с.75].

⁶ Мы уже неоднократно останавливались на проблеме Лелантской войны. Напомним, что это событие трактуется нами как затяжной (середина / конец VIII – первая четверть VI вв. до н.э.), прерывистый и локальный конфликт эвбейских полисов – Эретрии и Халкиды, в который периодически оказывались вовлечены контингенты других полисов, в том числе Самоса, Милета, Фессалии и, возможно, Коринфа [1, с. 5–21].

⁷ Единственное прямое указание – это сообщение Плутарха (Amat. Narr. XVII = Mor. 761a), в котором идет речь только о победе халкидян в отдельном сражении, что отнюдь не тождественно победе в войне.

⁸ Этот вопрос решается исследователями далеко не однозначно. Более того, в последние годы возросло количество скептиков, считающих Лелантскую войну большим историографическим мифом, не имеющим под собой никаких исторических оснований [11, р. 831–855; 14, S. 193–210; 16, р. 1–8].

⁹ Этой точки зрения придерживаются только Дж. Бордмен, Л. Джеффри и А. Мазаракис Айниан [8, р. 27–29; 19, р. 66–67; 20, S. 3–24].

ницей на Лелантскую долину и погибшего в победном сражении с эретрийцами. Второй аргумент – это уже упомянутое сообщение Геродота об афинской клерухии на халкидской территории. Наконец, третий аргумент – это направления колонизации, определившиеся в середине VII в. до н.э. Милет и Мегары, которые были предполагаемыми союзниками Эретрии, осваивают северное направление – Пропонтиду и Причерноморье, а Коринф – вероятный союзник Халкиды – колонизирует Западное Средиземноморье.

На первый взгляд у нас есть достаточно стройная аргументация, включающая данные конкретных источников и учитывающая контекст эпохи, однако нам она убедительной не кажется. Чтобы объяснить свою позицию, мы остановимся на каждом из аргументов, которые предлагают исследователи.

Сообщение Плутарха мы, кажется, можем отбросить достаточно уверенно. Херонейский мудрец пишет только об отдельном событии Лелантской войны, итог которого переносится на весь конфликт. Это сообщение Плутарха может свидетельствовать только о том, что одно из сражений в ходе войны выиграли халкидяне.

«Колониальный» аргумент нуждается в более пристальном внимании. Надо сказать, что сама методика авторов, связывающих динамику греческой колонизации с международными отношениями, кажется нам некоторой модернизацией античной истории. Модернизация эта объяснима – неоднократно отмечалось, что термин «колонизация» не является удачным и отсылает нас к событиям Нового времени, когда раздел и передел колоний являлся важнейшей частью международных отношений и внешней политики государств. Однако можно ли переносить это представление на античную эпоху, когда под «колонизацией» можно было понимать, скорее, эмиграцию – переселение части жителей на новое место. Колонисты не были обязаны, насколько можно судить, сражаться за свою метрополию, да и отношения с материнским полисом складывались далеко не всегда мирно¹⁰. Следовательно, колониза-

цию нельзя воспринимать как расширение сферы влияния полиса. Эти замечания касательно сущности греческой колонизации необходимы, чтобы перейти к нашему основному контраргументу – динамика колонизации не может служить источником данных для истории межполисных отношений. Основание колонии могло быть вызвано целым рядом причин от внутренней политической борьбы, до внешней угрозы. И делать какие-либо обобщения и выводы на основании динамики колониальной активности полиса, по нашему мнению, несправедливо.

Наконец, апелляция к сообщению Геродота об основании афинской клерухии на халкидской земле кажется наиболее убедительным доводом. Однако, строго говоря, у нас нет доказательств того, что все четыре тысячи афинян поселились на территории Лелантской долины. Конечно, Лелант упоминается Элианом, но, как мы показали выше, его сообщение, вероятнее всего, относится к более позднему времени. Да и сама цифра, предлагаемая Геродотом, выглядит сомнительной. В качестве аналогии приведем сообщение Страбона, который передает, что в праздничной процессии в Эретрии принимали участие три тысячи гошпитов, шестьсот всадников и шестьдесят колесниц (Strabo. X. 1. 10). Как видим, праздничная процессия, включавшая, по видимому, значительную часть эретрийского гражданского коллектива, была меньше. Отметим еще и то, что на Марафонской долине сражалось девять тысяч афинских гошпитов [6, с. 607], что подводит нас к выводу, будто почти половина гошпитского войска Афины была выселена менее чем за два десятка лет до сражения. Все эти факторы заставляют сомневаться в истинности цифр, предложенных Геродотом. Наконец, даже если афиняне расположили всех колонистов на хоре Халкиды, это не обязательно свидетельствует в пользу победы последней в Лелантской войне.

¹⁰ Можно вспомнить, хотя бы отношения Коринфа и Керкиры. Конфликты этих полисов начались еще в архаическое время и стали впоследствии одной из предпосылок Пелопоннесской войны. Впрочем, нет правил без исключений и предложенный тезис, конечно, неприменим, скажем, к афинским клерухиям, население которых сохраняло гражданские права в метрополии.

Таким образом, исходя из вышеприведенных рассуждений, нельзя с уверенностью говорить о победе халкидян в Лелантской войне. Строго говоря, для того чтобы определить победителя этого конфликта, необходимо понять, что же он собой представлял. Нам представляется любопытным, в этом отношении рассуждение Л.А. Пальцевой, которая ставит вопрос, что вообще можно считать концом Лелантской войны [3, с. 95–96]. Концом войны может считаться заключение мирного договора, о чем в приложении к нашему случаю не сохранилось никаких данных; конец боевых действий, который вряд ли может фиксироваться на основании имеющихся источников. Л.А. Пальцева предлагает считать концом Лелантской войны время распада действовавших в ней союзов. Подвергая сомнению историчность самих этих союзов, принять такой аргумент мы не можем.

Таким образом, по нашему мнению, попытка выявить победителя затяжного, локального конфликта заранее обречена на неудачу. Мы не можем сказать, что именно было концом войны и был ли он вообще, соответственно, не можем говорить и о ее результате. Представляется вероятным, что за время конфликта победа переходила от одного эвбейского полиса к другому. Преимущество же Халкиды в конце VI в. до н.э., если оно действительно имело место, не должно означать, что Эретрия не продолжала попытки вернуть Лелантскую долину.

Библиографический список и источники

1. Зайцев Д.В. К вопросу о характере Лелантской войны // Вестник древней истории. 2016. № 1. С. 5–21.
2. Касаткина Н.А. Афинские военно-земледельческие поселения VI–V вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
3. Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999.
4. Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // Вестник древней истории. 1969. № 5. С. 3–19.
5. Соколов Ф.Ф. Клирухии афинские // Соколов Ф.Ф. Труды. СПб., 1910. С. 411–436.

6. Хэммонд Н.-Дж.-Л. Поход Датиса и Артаферна // Кембриджская история древнего мира. Т.: IV. Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э. / под ред. Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, Д.-М. Льюиса и М. Оствальда; пер. с англ., подготов. текста, предисловие, примечания А.В. Зайкова. М., 2011. С. 589–618.
7. Andrews A. The Greek tyrants. London, 1956.
8. Boardman J. Early Euboean pottery and history // The Annual of the British School at Athens. 1957. Vol. 52. P. 1–29.
9. Bradeen D.W. The Lelantine War and Pheidon of Argos // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 223–241.
10. Burn A.R. The So-Called «Trade-Leagues» in Early Greek History and the Lelantine War // The Journal of Hellenic Studies. 1929. Vol. 49. P. 14–37.
11. Charalambidou X. Developments in Euboea and Oropos at the end of the «Dark Ages» (CA. 700 to the mid seventh century BC) // The «Dark Ages» Revisited, Acts of an International Symposium in Memory of William D.E. Coulson, University of Thessaly, Volos, 14–17 June 2007. Volos, 2011. P. 831–855.
12. Claudii Aeliani. Varia historia / ed. M. R. Dilts. Leipzig, 1974.
13. Diodorus Siculus. Library of History. Vol. I–XII / With an Engl. transl. by C.H. Oldfather, C.L. Sherman, C.B. Welles, R.M. Geer and F.K. Walton. Cambridge (Mass), 1989.
14. Fehling D. Zwei Lehrstuecke ueber Pseudo-Nachrichten (Homeriden, Lelantischer Krieg) // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge, 1979. Bd. 122, H. ¾. S. 193–210.
15. Gardner P. A Numismatic Note on the Lelantian War // The Classical Review. 1920. Vol. 34, № 5–6. P. 90–91.
16. Hall J.M. A History of the Archaic Greek World, ca. 1200–479, 2nd ed. Oxford, 2014.
17. Herodotus. The Persian Wars. / Translated by A. D. Godley. Cambridge, 1920–1925. Vol. I–IV.
18. Hesiod Theogony. Works and Days. Testimonia / ed. G.W. Most. Cambridge–London, 2006.
19. Jeffery L.H. Archaic Greece. The city-states c. 700–500 B.C. London, 1976.
20. Mazarakis Ainian A. Geometric Eretria // Antike Kunst. 1987. Bd. 30. S. 3–24.
21. Pausanias. Description of Greece / With an Engl. transl. by W.H. Jones. L.: Heinemann; N.Y.: Putnam, 1926–1939. Vol. I–VI

22. Plutarchi Chaeronensis Moralia / ed. G. N. Bernardakis. Lipsiae, 1892. Vol. 4.
23. Plutarch's Moralia in Fifteen Volumes / Ed. T. E. Page. Vol. 2. Cambridge-London, 1928.
24. Salmon J.B. Wealthy Corinth. A history of the city to 338 B. C. Oxford, 1984.
25. The Geography of Strabo / ed. T. E. Page. London-Cambridge, 1928. Vol. 5.

А.А. Инеева

ГОТО СИМПЭЙ КАК ИДЕОЛОГ ОБРАЗА РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЯПОНИИ 1920-х гг.

Гото Симпэй, советско-японские отношения, Япония, советско-японские переговоры.

Гото Симпэй¹ – один из крупнейших политических деятелей Японии первой трети XX в., сыгравший важную роль в установлении советско-японских отношений и ставший одним из идеологов образа Советской России в 1920-е гг. В статье представлен краткий обзор деятельности Гото и формирование видения Советской России в Японии на основе опубликованных документов из российских и японских архивов. Приводятся точки зрения российских и японских исследователей о роли Гото в советско-японских отношениях.

А.А. Иреева

GOTO SIMPAY AS THE IDEOLOGUE OF RUSSIA'S IMAGE IN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT IN JAPAN IN THE 1920-s.

Goto Simpay, Soviet-Japanese relations, Japan, Soviet-Japanese negotiations. Goto Simpay is considered to be one of the largest political figures of Japan the first third of the twentieth century, played an important role in establishing the Soviet-Japanese relations and became one of the ideologists of Soviet Russia in 1920-s. A brief overview of the activities of Goto and the formation of a vision of Soviet Russia in Japan the based on published documents from Russian and Japanese archives in the article presents. The points of view of Russian and Japanese researchers about the role of Goto in Soviet-Japanese relations have been taken into account.

¹ Все японские фамилии и имена будут писаться в японской традиции – сначала фамилия, потом имя.

Осмысление хода истории неизбежно вызывает вопросы о роли в ней той или иной личности [2]. Личность Гото Симпэй как непосредственного посредника между Японией и СССР в восстановлении двухсторонних отношений в 1920-е гг. достаточно известна в мировых кругах, но малоисследованна. Практически всю жизнь он был связан с большой политикой, будучи представителем Японии еще в эпоху Российской империи. Имел статус барона и виконта, не раз общался с российскими дипломатами. Благодаря его дипломатии, Япония и Россия смогли возобновить двухсторонние отношения. Гото Симпэй стал одним из идеологов образа России в общественно-политических кругах в этот период, занимая пост руководителя японо-русского общества.

Историк Л.Н. Кутаков писал: «Ловкий и дальновидный деятель, Гото за всю свою политическую жизнь охотно поддерживал популярные в народе идеи, тщательно оберегая репутацию «независимого объективного человека». Его яркие выступления в защиту интересов «общественности» и «свободы» снискали ему большую популярность. Гото в те годы был едва ли не самым выдающимся среди японских ораторов. Великолепно зная и чувствуя аудиторию, он умел произвести на нее впечатление. Усилия Гото в пользу установления и развития советско-японских отношений отражали как популярность этих идей в народе, так и заинтересованность определенных деловых кругов, имевших интересы на русском Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае» [5, с. 126].

Высказывается о значительной роли Гото Симпэй в обновлении российско-японских отношений в 1920-е гг. профессор В.Э. Молодяков, называя его одним из крупнейших политических деятелей того времени [6, с. 7].

Японские исследователи Ёкоте С., Томита Т. [7, с. 320] и другие положительно отзываються о дипломатии Гото Симпэй в рамках советско-японских отношений, но указывают на недооценку Гото в связи с антияпонскими настроениями в Советском Союзе.

На сегодняшний день исследователям доступно огромное количество источников по данной теме, российских и японских архивов. Большинство документов представляют собой дипломатическую и частную переписку Гото со многими дипломатами Советского Союза (А.А. Иоффе, Г.В. Чичерин, Л.В. Карахан и др.), его интервью, записи бесед с советскими дипломатами. Эти источники сейчас опубликованы и находятся в свободном доступе в сборнике документов «Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия» [4]. Они представляют для нас интерес тем, что подробно отражают картину постепенного восстановления двухсторонних отношений между нашими странами в 1920-е гг.; роль Гото в восстановлении отношений между странами, его личное видение роли России в Азии, представление его как главного партнера Японии помогают увидеть основные камни преткновения в советско-японских отношениях.

Выступая как частное лицо, Гото проделал большую работу по урегулированию и налаживанию дипломатического диалога между двумя странами в 1920-е гг. Гото, как и прежде, видел в России, теперь уже СССР, главного партнера Японии. А уже после интервенции и изменений японского положения на мировой арене (проникновение англо-американских идей на территорию Восточной Азии, американский закон об эмиграции 1924 г.) Гото Симпэй стал рассматривать Советский Союз не только как важного экономического, но и как главного стратегического партнёра Японии против влияния США и Англии в Азии, а также как единственного партнера Японии, который сможет навести порядок в разрозненном Китае [6, с. 114–116].

Гото ни сразу начал вести активную дипломатическую политику по восстановлению двухсторонних отношений, на это повлияли некоторые события: «дипломатический провал», как назовут впоследствии на страницах японских газет неудавшиеся Чаньчунские и Дайренские переговоры между Японией и СССР [3, с. 512], а также крах интервенции, правительство Японии под давлением общественности за скорейшую нормализацию двухсторонних отно-

шений постепенно начинает процесс восстановления отношений с «красной Россией». Однако в правительственных кругах мнения на этот счет разделились, одни добивались возобновления отношений на выгодных для Японии условиях, другие – возможных уступок, а некоторые были совершенно против сближения. Как раз в этой ситуации правительство и обращается к Гото (ставшему в 1920 г. председателем Японско-русского общества (Нитиро кёкай), позже переименованного в Японо-советское), который не только знал российских дипломатов и их манеру вести переговоры, но и имел достаточный политический вес.

«Сближение» виконт начал со встречи с А.А. Иоффе, назначенным полномочным представителем РСФСР на Дальнем Востоке. Уговорив Иоффе приехать в Японию на лечение (Иоффе к тому времени был тяжело болен), Гото предполагал в неофициальных встречах добиться определенных результатов, и в первую очередь заверить Москву, что Япония готова к диалогу и к здоровому пониманию двухсторонних отношений на новой почве.

Однако переговоры не имели такого успеха, на который рассчитывал Гото. Японское правительство не собиралось идти на какие-либо уступки по вопросу вывода войск с Северного Сахалина и постоянно напоминало об уплате долгов царского правительства, требовало рыболовных концессий на выгодных условиях именно для Японии, на что советская сторона отвечала той же монетой, тем не менее не раз предлагала начать двухсторонние отношения с чистого листа.

Правящие круги Японии, изначально выступавшие за встречу Иоффе и Гото, тоже всячески препятствовали деятельности Иоффе на территории Японии, видя в нем непосредственного коммунистического шпиона и агитатора. МИД Японии прямо говорил о коммунистической угрозе. Это можно увидеть по инциденту с пароходом «Ленин» в 1923 г., когда с советской стороны было направлено продовольствие пострадавшей Японии от Великого землетрясения в этом же году. Японские власти сначала пустили

в порт советский пароход, но потом попросили покинуть японские воды, обвинив в перевозе коммунистической литературы [6, с. 149].

«Официально-неофициальные» [6, с. 149] переговоры между Иоффе и Гото закончились ничем, и Иоффе уехал домой. Однако, как отмечал современник этих переговоров Того С., они заложили благоприятную атмосферу для дальнейших обсуждений и тем самым проложили путь к переговорам в Пекине между Л.В. Караханом и Ёсидзава, закончившимся подписанием в 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимодействия Японии и СССР [6, с. 140].

Заключение Конвенции вызвало огромный ажиотаж в японской прессе, которая изначально сетовала за скорейшее восстановление отношений между двумя странами [3, с. 509]. Такое положение вещей дало почву для дальнейшего урегулирования советско-японских отношений, и, естественно, главным посредником здесь виделся Гото Симпэй, который стал идеальной фигурой для контактов с Москвой.

Гото, видевший в СССР не только политического, но экономического партнера, не раз предлагал советскому правительству планы привлечения японских компаний к разработке естественных богатств Дальнего Востока, а также ставил вопрос об эмиграции японцев в Сибирь или Приморье для колонизации земель, которые были плохо заселены и не обрабатывались. (Данная идея была навеяна ужесточением политики Соединенных Штатов об эмиграции японцев). Гото выступал за то, чтобы возвести на этих территориях рисовые плантации и научить советских крестьян рисовому хозяйству [4, с. 225]. Однако советское правительство отклонило данную идею, ссылаясь на то, что местное население еще помнит японскую интервенцию и могут возникнуть конфликты, плюс опасность того, что под таким предлогом на территорию могут проникнуть нежелательные элементы, шпионы, а это будет явным плацдармом для империалистического окружения.

Еще одним из интересных предложений Гото в качестве экономического взаимодействия стал общий Корейс-

кий банк, который был бы в непосредственном подчинении советско-японских ведомств. Гото писал Чичерину: «По вопросу о положении Корейского банка ... я считаю, что план Корейского банка заслуживает одобрения в интересах дальнейшего развития хозяйства обоих народов: банк должен быть смешанный – японо-русский» [4, с. 207–208]. Данную идею с некоторыми изменениями советское руководство рассмотрело и постановило учредить такой банк во Владивостоке, он проработал вплоть до 1930 г. [6, с. 161].

Новый кабинет правительства Японии под руководством Танака Гиити, пришедший к власти в 1926 г., главной повесткой дня ставил дальнейшее улучшение советско-японских отношений. Необходимость вести переговоры на более высоком уровне привела к тому, что Гото решил посетить в 1927 г. Москву и лично встретится с представителями СССР, что непосредственно поддержал Танака. Данная поездка вошла в историю Японии как «лебединая песня» виконта Гото и отразилась в японской литературе [3]. Даже в официальной газете МИД Японии «The Japan Times» появились статьи, в которых говорилось, что присутствие Гото в Москве поможет за несколько дней решить вопросы, около которых кругами ходят другие [6, с. 173].

Сам Гото заявлял прессе, что он едет посмотреть на новую Россию и изучить результаты новой экономической политики, а также обсудить ряд вопросов: китайские проблемы, концессии и рыболовная конвенция. Причем главной причиной поездки Гото стал поиск «средств и путей для разрешения китайской проблемы путём взаимопонимания между Японией и Советским Союзом» [6, с. 174]. Гото ярко выступал против советизации Китая.

Прибыв в Москву в октябре 1927 г. и пробыв там до января 1928 г., Гото, интересуясь буквально всем, встретился с И.В. Сталиным, Л.В. Караханом, Г.В. Чичериным, председателем совнаркома А. Рыковым, наркомом внутренней и внешней торговли А. Микояном и другими. На этих встречах Гото и советские деятели обсудили огромное количество вопросов. Особо уделили внимание рыболовным

концессиям, в итоге чего японская сторона приняла полное предложение СССР по данному вопросу.

По вопросу о проблеме Китая, которой и были посвящены беседы Гото и Сталина, Гото прямо указывал на то, что хаос, происходивший в Китае, крайне опасен для Японии и СССР, высказывался, что решение этого вопроса зависит от сотрудничества Японии и СССР и выдвигал идею двухсторонних консультаций по китайским проблемам [4, с. 290]. Отдельно Гото указал на деятельность Коминтерна в Китае и на обеспокоенность этим вопросом в Японии. Сталин поддержал Гото в идеи о двухсторонних консультациях, но прямо указывал на то, что деятельность Коминтерна и распространение коммунистических идей в идущей внутривосточной борьбе Китая естественны, что Коминтерн – это отдельная политическая единица, не руководимая советской властью [6, с. 196].

Перед самым отъездом из Москвы Гото вновь поднял вопрос о торговом договоре между двумя странами и пакте о ненападении, который не раз предлагала заключить советская сторона. Виконт выразил идею о постепенном заключении всех этих актов, начиная с рыболовной концессии [6, с. 198–199], которая и была заключена в 1928 г. уже после отъезда Гото в Токио.

Возвратившись в Токио, Гото в интервью прессе указывал, что в Москве было достигнуто взаимопонимание по многим двухсторонним вопросам и согласована примерная схема русско-японского сотрудничества в Китае. Однако, как это видно из документов, виконт несколько преувеличил итоги поездки.

Вплоть до своей смерти в апреле 1929 г. Гото Симпэй выступал за дальнейшую нормализацию двухсторонних отношений и поддерживал дипломатическую переписку со многими советскими дипломатами.

Таким образом, Гото Симпэй на протяжении десятилетия проделал огромную дипломатическую работу по обновлению отношений между Японией и СССР, был непосредственным автором некоторых экономически выгод-

ных идей для двух стран, а также одним из идеологов образа России в 1920-е гг. в первую очередь как важного стратегического и экономического партнера Японии в Азии.

Библиографический список и источники

1. Глущенко Н.А. История подготовки союзнической интервенции на территорию Сибири и Дальнего Востока России в зеркале американской газеты «The New York Times» // Вестник ТГУ. 2014. № 379. С. 115–119.
2. Гринин Л.Е. Роль личности в истории как философско-историческая проблема // Философия и общество. 2011. Вып. № 4(64). С. 175–193.
3. Ёкотэ С. Представления японцев о России в начале периода Сёва (сер. 1920 – сер. 1930-х гг.) // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М.: АИРО-XX, 2001.
4. Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия: сб. документов. 1907–1929 / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО – XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Сер.: АИРО (первая публикация в России).
5. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
6. Молодяков В.Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения: монография. М.: АИРО – XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Сер.: АИРО.
7. Толстогузов С.А. Томита Такэси. Японо-советские отношения в межвоенный период. 1917–1937 гг. // Исторический вестник. 2014. № 9(156). С. 318–323.

А.Д. Макидон

ГЕРОЙ СИБИРИ – Н.Н. МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ: ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА» 1880–1917 гг.

История Сибири, исторические журналы, Н.Н. Муравьев-Амурский.
В статье представлена характеристика одного из выдающихся государственных деятелей Сибири – Н.Н. Муравьева-Амурского, данная ему на страницах исторического журнала «Русская старина». Изложены краткая история и специфика данного издания. Приводятся мнения современников, с помощью которых составлен исторический портрет генерал-губернатора Восточной Сибири, дана оценка его личности.

**HERO OF SIBERIA – N. N. MURAV'OV-AMURSKYY:
VERSION OF MAGAZIE «RUSSIAN ANTIQUITY» 1880-1917**

History of Siberia, historical magazines, N. N. Murav'ov-Amurskyy.

The article presents the characteristics of one of the outstanding statesmen of Siberia – N. N. Murav'ov-Amurskyy, given to him in the pages of historical journal «Russian Antiquity». It outlined a brief history and the specificity of this publication. It cites the opinion of his contemporaries, by which made a historical portrait of the governor-general of Eastern Siberia, the estimation of his personality.

Во второй половине XIX – начале XX вв. изучение истории Сибири приобретает большую популярность. Регион с суровым климатом становится плодородной почвой для исследователей. Одним из вариантов отражения результатов исследовательской деятельности явилась их публикация на страницах журнальной прессы. Специфика данного вида источника определила молниеносное распространение новых знаний о регионе по всей территории Российской империи, а также способствовала моделированию коллективных представлений о Сибири среди читающей аудитории страны.

С учетом обширности и многообразия журнальной прессы, издававшейся в интересующий нас период, закономерен тот факт, что не все сюжеты, касающиеся образа Сибири в представлениях образованной части пореформенной России, изучены достаточно подробно. При этом необходимо отметить, что именно общественно-политические и исторические журналы, специфика которых уже отмечалась, во второй половине XIX – начале XX вв. были основным институтом формирования, структурирования и трансляции представлений о таком обширном регионе, как Сибирь.

В центре истории всегда стоит человек. Его деятельность (или бездеятельность), поступки, принимаемые решения и создают историю – мировую, государственную, региональную. Исторический процесс в Российской импе-

рии сложился таким образом, что волею судьбы в Сибири оказывались одни из лучших, с передовыми идеями люди страны: политические и общественные деятели, писатели, журналисты и т.д. Изучение их жизни – одна из самых популярных тем для исследования как для отечественных, так и для зарубежных историков.

В данной статье главным источником для более детального исследования был выбран один известнейших исторических журналов – «Русская старина».

Первый номер журнала «Русская старина» вышел в Санкт-Петербурге в 1870 г. В течение первых двадцати двух лет существования издавался и редактировался историком, археографом и коллекционером Михаилом Ивановичем Семевским. Деятельное участие в издании принимал также младший брат М.И. Семевского, Василий Иванович. Всего за интересующий нас период у журнала сменилось несколько редакторов, среди которых можно назвать историков Николая Карловича Шильдера (1892–1896), Николая Федоровича Дубровина (1896–1904), а также военных историков Сергея Павловича Зыкова и Павла Николаевича Воронова.

Своей приоритетной задачей редакторы «Русской старины» называли «ознакомление ее читателей с императорским периодом отечественной истории и истории русской литературы» [7, с. 2].

Также во вступительной статье журнала авторы объясняют читателю, каким образом планировалось достижение поставленной задачи: «Русская старина» будет служить отечественной истории и истории русской литературы сообщением на своих страницах: записок и воспоминаний исторических деятелей, очерков, автобиографий, исторических исследований, государственных и дипломатических актов, писем и разных заметок, относящихся к отечественной истории и истории русской литературы...» [7, с. 2].

Большое внимание сотрудники журнала уделяли отбору материала для публикации. На страницах вступительной статьи авторы обращают внимание читателя на серьезность

своих намерений в деле знакомства подписчиков с историческим материалом, а также на собственную независимость по отношению к этому материалу: «Редакция “Русской старины” может обещать, что выбор статей и материалов будет вполне соответствовать важности задачи предпринимаемого ею издания; все, что служит к чести и славе прежних отечественных деятелей будет с полным беспристрастием помещаться наряду с такими данными, которые указывают и на перешедшие уже в достояние истории темные стороны нашего общественного быта» [7, с. 2].

Данная формулировка позволяла журналу представлять на своих страницах собственное видение образа региона и публиковать материалы о тех персоналиях или сообществах, которые, по мнению редакции, составляют этот образ. По количеству упоминаний той или иной личности можно судить о том, кто же являлся «героем Сибири» в разные периоды истории.

В работе Н.Н. Родигиной представлена таблица, данные которой указывают на количество публикаций «Русской старины», посвященных персоналиям (или социокультурным сообществам), биографически связанным с Сибирью, за 1870–1904 гг. [8, с. 259].

Таблица наглядно демонстрирует, что безусловным фаворитом среди деятелей Сибири, информация о которых появлялась на страницах «Русской старины», является генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. По мнению Н.Н. Родигиной, это связано как с выдающимся административным талантом и геополитическими заслугами Н.Н. Муравьева-Амурского, так и с социокультурным фоном эпохи «безвременья» – времени, когда и общественное мнение, и правительственная элита осознавали необходимость поисков новых образцов идеального гражданина, политика, государственного деятеля, воплощающего в себе созидательные поведенческие стратегии, направленные на усиление государственного величия России [8, с. 259].

Наша задача – выявить и охарактеризовать публикации «Русской старины», посвященные Н.Н. Муравьеву-Амурскому.

О популярности генерал-губернатора среди широких слоев населения свидетельствуют и обращения редакции журнала к читателям с призывом принять участие в сборе материалов о личности и деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского: «Редакция “Русской старины” приглашает всех лиц, знавших графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского и обладающих сведениями о государственной деятельности этого замечательнейшего русского человека, сообщить их на страницы нашего издания» [9, с.512].

Само назначение молодого генерал-майора (в момент вступления в должность Н.Н. Муравьеву-Амурскому было 38 лет) губернатором такого обширного региона, как Восточная Сибирь, стало резонансным событием. Публицист М.И. Венюков в одной из своих статей, посвященных Н.Н. Муравьеву-Амурскому, приводит выдержку из разговора между генерал-губернатором Западной Сибири князем Горчаковым и чиновником Б-вом: «Муравьев, такой же мальчишка, как ты, сделан генерал-губернатором...» [5, с. 524].

Многократно различными авторами отмечаются политические успехи Н.Н. Муравьева-Амурского, проявившего себя как весьма эффективный управленец. Так, в своих воспоминаниях А.Е. Баранов, один из офицеров отряда Н.Н. Муравьева, отмечает продуктивное начало государственной деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири: «Первым действием нового генерал-губернатора, кажется, был вызов из России чиновников для обновления состава местных управлений, в которых были сильно распространены злоупотребления, преследуемые им не только в лице отдельных чиновников, но и целых присутственных мест» [2, с. 327–354].

Не менее восторженные отзывы о заслугах Н.Н. Муравьева-Амурского прочитываются в статье Б.В. Струве, чиновника особых поручений при восточносибирском генерал-губернаторе, губернатора Иркутской, а затем

Пермской губерний: «...Н.Н. Муравьев, предвидя, какие важные перевероты и события должны будут совершиться в Китае и что Россия должна быть подготовлена, чтобы идти им навстречу, во всех своих мероприятиях по различным частям управления обширною Восточною Сибирью руководился этою возвышенною мыслью и во всех случаях действовал так осмотрительно и в то же время так подготовительно в широком смысле слова, что этим несомненно заслуживает название замечательного и передового по времени государственного деятеля» [10, с. 387–393].

Кроме успехов в государственной деятельности, в воспоминаниях современников отмечаются заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского во времена его военной службы, о которой авторы воспоминаний отзываются как о «блистательной». В 1830-е гг. бывший начальник Черноморской береговой линии, генерал Анреп, писал генералу Головину (командир отдельного кавказского корпуса, родственник Н.Н. Муравьева): «Не могу быть достаточно благодарным вашему превосходительству за назначение начальником 3-го отделения линии (в Сухум) такого превосходного, высокодаровитого штаб-офицера, как полковник Муравьев» [5, с. 523–526].

Как государственный деятель с передовыми взглядами Н.Н. Муравьев-Амурский проявил себя еще во время своего губернаторства в Туле: «...но он первый из всех русских губернаторов поднял там [в Туле] вопрос об освобождении крепостных» [5, с. 523–526]. Впоследствии государь, отметив «либерала и демократа», отправит Н.Н. Муравьева управлять Восточной Сибирью.

Некий итог деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского подводит в воспоминаниях, опубликованных на страницах «Русской старины», некоторое время служивший при нем чиновник В. Толстой. Перед нами предстает образцовый государственный деятель, строгий, но справедливый руководитель: «В течение тринадцатилетнего пребывания на poste генерал-губернатора Восточной Сибири граф Николай Николаевич постоянно обращал внимание на дея-

тельность подчиненных ему лиц высших и низших, строго преследовал взяточничество, издавна укоренившееся в Сибири, поощрял и награждал трудолюбие и честность по службе; в особенности старался иметь в канцелярии главного управления тружеников добросовестных и благородных. С чиновниками главного управления граф обращался весьма гуманно, охраняя их человеческое достоинство, и удостаивал чести называть их своими сослуживцами» [11, с. 125–131].

Доказательством признания Н.Н. Муравьева-Амурского среди населения служит воздвигнутый сразу после его смерти памятник в Хабаровске: «Немедленно при получении известия о кончине графа Николая Николаевича в Восточной Сибири возникла мысль о собрании, посредством добровольной подписки, известной суммы для сооружения покойному памятника и учреждения, если окажется возможным, какого-либо благотворительного заведения для увековечения его памяти в крае, на пользу коего он столько потрудился» [1, с. 715–739]. Обстоятельства, при которых был установлен памятник, вызывают удивление и у самих современников: «Постановка его, как известно, есть дело редкое, почти беспримерное в России, потому что монумент сооружен исключительно на частные средства, по благородному почину князя Михаила Сергеевича Волконского и по усердию бывших сотрудников графа по присоединению к России Амура» [4, с. 475–476].

Однако в этой же статье генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин отмечает, что не во всех частях Восточной Сибири тепло отзывались о Н.Н. Муравьеве-Амурском. Связано это было в первую очередь с его деятельностью по присоединению Амура: «...старые сибиряки по-своему правы: Иркутск не прощал ему явного предпочтения к Амуру и амурским делам, а Забайкалье обвиняло его в истощении их области для нужд чего-то совершенно постороннего, по их мнению, и для области и для России» [4, с. 475–476].

Личность Н.Н. Муравьева-Амурского также имеет неоднозначную оценку. В большинстве публикаций «Русской старины» перед читателем возникает образ человека решительного, уверенного в себе, честного и справедливого. Однако при этом отчетливо прослеживается критика его сухости в общении, резкости, иной раз граничащей с грубостью. Эти черты характера были отмечены подчиненными с первых же дней генерал-губернаторства Н.Н. Муравьева-Амурского: «На первом приеме чиновников и граждан Николай Николаевич весьма сухо обошелся с бывшим тогда иркутским губернатором Пятницким, который вскоре и был уволен от этой должности. Той же участи подверглись почти все исправники и большая часть земских заседателей» [11, с.126].

Таким образом, используя материалы «Русской старины», в данной статье нам удалось сконструировать образ героя Сибири глазами современников на примере генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. В дальнейшей работе возможно как более детальное воссоздание образа этого государственного деятеля за счет использования других исторических журналов, так и увеличение палитры образов героев Сибири при рассмотрении статей «Русской старины» о других персонажах, к которым было приковано всеобщее внимание читателей журнала.

Библиографический список и источники

1. Анучин Д.Г. Памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровске // Русская старина. 1892. № 3. С. 715–739.
2. Баранов А.Е. На реке Амуре в 1854–1855 гг. // Русская старина. 1891. № 8. С. 327–354.
3. Баранская Л.Т., Вершинина Т.С. Психосемантика героизма в историко-лингвистическом межкультурном контексте // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 6 (85), ч. 2. С. 107–117.
4. Венюков М.И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский // Русская старина. 1891. № 11. С. 475–476.

5. Венюков М.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Русская старина. 1882. № 2. С. 524.
6. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1999. Кн. 2.
7. Об издании с 1 января 1870 г. ежемесячного исторического сборника «Русская старина» // Русская старина. 1870. № 1. С. 2.
8. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. НГПУ. 2006.
9. Русская старина. 1883. № 12. С. 512.
10. Струве Б.В. Граф Николай Муравьев-Амурский: из воспоминаний о его деятельности. Торговля на Кяхте // Русская старина. 1885. № 11. С. 387–393.
11. Толстой В. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1861 гг. // Русская старина. 1890. № 1. С. 125–131.

М.А. Мельникова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ АЙН РЭНД

Человек, разум, эгоизм, индивидуализм, общество, коллективизм, обмен.
В статье представлен обзор общественно-политических воззрений Айн Рэнд на человека и его место в обществе. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны ее теории.

М.А. Melnikova

THE INTERACTION OF MAN AND SOCIETY IN THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF AYN RAND

People, reason, egoism, individualism, society, collectivism, exchange.
An overview of the socio-political views of Ayn Rand on man and his place in society presented in the article. Positive and negative aspects of her theory are considered.

Проблема взаимодействия человека и общества волновала людей во все времена. В наши дни данная проблема не теряет актуальности.

Существует две противоположные точки зрения: человек обвиняет общество в излишнем коллективизме и пода-

влении индивидуализма; и, напротив, часто можно услышать, как человека обвиняют в эгоизме, равнодушии к другим людям. Но действительно ли современные люди эгоистичны, и верно ли, что эгоизм настолько плох?

Именно эти проблемы и поднимала А. Рэнд. Рожденная на закате Российской империи, перенесшая вместе со своей семьей все тяготы установления советской власти, А. Рэнд эмигрировала в США, и уже там, под впечатлением от сравнения устройств двух стран, она стала формировать свои воззрения на природу человека и его место в обществе. Возможно, поэтому многие считают ее идеи реакцией эмигрантки на идеологию и практику советского коллективизма.

Для начала следует дать определение понятию «эгоизм». Данное качество человеческой личности считается, как правило, отрицательным и трактуется как «себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и окружающих» [1].

А. Рэнд считает эгоизм главной добродетелью человека, интерпретируя его лишь как «заботу о собственных интересах» [5, с. 7]. А. Рэнд в своем определении ничего не говорит о том, что эгоизм одного человека ущемляет интересы и права другого человека. При этом «заботу о собственных интересах» [5, с. 7] человек должен осуществлять исходя из разумной и объективной оценки сложившихся обстоятельств. Эгоизм – лучшее и врожденное человеческое качество, считает А. Рэнд, одни люди под влиянием общества подавляют его в себе, а другие, напротив, добиваются своей цели за счет собственного эгоизма.

Свои взгляды А. Рэнд выразила через идеал человека-творца, живущего исключительно за счет своих творческих способностей и таланта; эгоистичного и разумного человека. Человеческий разум, чистый и эгоистичный есть «источник всех произведенных на земле благ, источник всех богатств» [5, с. 24]. Именно человеческий разум как орудие выживания, как главный инструмент выбора целей и средств, способов продвижения к ним определяет всю че-

ловеческую деятельность. Мораль А. Рэнд также подчиняет разуму, но, в отличие от И. Канта [1], считает другого человека именно средством, а себя – целью.

Высшая человеческая цель – собственное счастье. «Конечная ценность» [5, с.10] – это жизнь человека. Все, что способствует поддержанию человеческой жизни – есть добро, все, что ей мешает, – зло. И никакие промежуточные понятия неприемлемы. Например, нравственность, по А. Рэнд, исключительно черно-белая система. Влияние субъективных эмоций и чувств на оценку ситуации и принятие решения также недопустимо.

Главное понятие, определяющее человека – «Я» – эгоистичное и индивидуалистическое. Человек-творец А. Рэнд определяется не только понятием «эгоист», но и понятием «индивидуалист». Индивидуалист, по А. Рэнд, – «это человек, живущий ради себя самого и своим собственным разумом; он не приносит в жертву ни себя другим, ни других себе; он взаимодействует с окружающими не как вор, а как торговец, как партнер, а не как Аттила» [5, с.174]. Индивидуализм есть независимое мышление, верность своему разуму – то есть, прямое противодействие коллективизму. Эгоизм и индивидуализм, определяющие свободу человека, также определяют и его ответственность: каждый отвечает за себя и готов к индивидуальному риску.

В понятии «индивидуалист», данном А. Рэнд, четко видна траектория взаимодействия человека и общества – траектория партнерства. Принцип обмена для А. Рэнд является единственным приемлемым принципом для любого уровня человеческих взаимоотношений. Обмен, разумеется, справедливый (а иного и не может существовать, по мнению А. Рэнд), основан в первую очередь на равенстве. Равенстве людей, участвующих в обмене, и равенстве тех ценностей, которыми люди ведут этот обмен. Важнейшим элементом данной траектории взаимодействия является отсутствие жертв с обеих сторон. Человек не должен жертвовать сам, так как это противоречит человеческой сути – его эгоизму, и не должен принимать жертв, осозна-

вая, что принося ему жертву, другой человек также вступает в конфликт с собой, со своим эго.

Взаимодействие с окружающими по принципу обмена должно базироваться на свободе, добровольности и выгоде данной сделки для обеих сторон. Принцип обмена должен присутствовать на всех уровнях человеческих взаимоотношений, начиная с покупки (а не воровства) продуктов в магазине, заканчивая высшими человеческими чувствами, такими как, например, любовь, которая есть не что иное, как обмен человеческими ценностями.

По мнению А. Рэнд, только на основе разумного эгоизма и справедливого обмена люди могут жить вместе в «свободном, мирном, благополучном, добровольном, рациональном обществе» [5, с. 38].

Однако А. Рэнд упускает одно важнейшее условие, без которого реализация ее теории невозможна, – необходимость новой породы людей. Она считает, что каждый человек, совершивший моральный выбор «думать», способен в точности следовать заданной ей траектории. Но этот тезис не просто спорен, а абсолютно невозможен. Поведение человека определяет не только разумная свободная воля. Темперамент, заданный генетически, определяет характер человека, его эмоциональность. Эмоции (субъективные и недопустимые, по мнению А. Рэнд) порой не зависят от рационального желания человека; эмоции часто бывают неподконтрольны разуму. Для воплощения теории А. Рэнд нужны не люди, а роботы, над которыми не властны эмоции, а следовательно, и сама природа.

Также вызывают вопросы высшая цель и конечная ценность, которые А. Рэнд определила в своей концепции для каждого человека. Если с конечной ценностью, каковой является жизнь, еще можно согласиться, то понимание высшей цели как собственного счастья – вызывает как минимум возражение. Простой пример: мать, которая растит и воспитывает своего ребенка. Воспитание ребенка – это вовсе не обмен, а скорее вклад, который к тому же не всегда приносит прибыль. Согласно теории А. Рэнд, это, не что

иное, как жертва. Вряд ли кто-то из здравомыслящих людей согласится с такой формулировкой материнства, но с оценкой А. Рэнд человеческого эгоизма и индивидуализма вполне можно согласиться. На наш взгляд, именно коллективизм поглотил человека. Сегодня именно общество – серая безликая масса – диктует свободному человеку его путь. Серое «мы» заменило гордое «Я», но ведь открытия совершают не массы, а отдельные люди, и картины пишут не массы. Конечно, отрицать необходимость социализации совершенно невозможно, так как человечество не может существовать в виде разрозненных, не связанных между собой индивидов. Но, с другой стороны, общество должно давать человеку больше свободы, с большим пониманием относиться к проявлениям индивидуализма и индивидуальности человека (при условии, если они не противостоят разумным моральным принципам жизни общества).

Подводя итог, можно сказать, что во многом концепция А. Рэнд не просто актуальна, а в определенной степени необходима современному обществу. Но при этом принимать ее в чистом виде невозможно – это утопия, к тому же отчасти антигуманистическая. Обществу необходимо признать нравственное равенство людей, равенство основополагающих прав, а не одинаковость. Не требовать от человека соответствия стандарту, а восхищаться его индивидуальностью. Не требовать жертв, а создавать условия для реализации возможностей.

Библиографический список и источники

1. Кант И. Критика практического разума: пер. с нем. СПб.: Наука, 1995. 528 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 736 с.
3. Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 360 с.
4. Рэнд А. Атлант расправил плечи: в 3 ч. М.: Альпина Паблишерз, 2011.
5. Рэнд А. (с добавлением статей Брандена Н). Добродетель эгоизма: пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 186 с.

Д.С. Молодец

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЕМНИКОВ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ ПО «АНАБАСИСУ» КСЕНОФОНТА

Классическая Греция, наёмники, Ксенофонт, Анабасис, кризис полиса.
В статье даётся характеристика социально-психологических особенностей греческих наёмников классического периода на основе анализа сочинения Ксенофонта «Анабасиса». В качестве методологической основы для работы использована концепция кризиса полиса как социально-психологического явления. Делается вывод о неоднозначном отражении кризиса в социально-политическом портрете наёмников начала IV в. до н.э. С одной стороны, они главным образом заинтересованы в получении дохода, с другой – во время похода воспроизводят полисные модели поведения.

D.S. Molodets

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF MERCENARIES IN CLASSICAL GREECE ACCORDING TO XENOPHON'S ANABASIS

Classical Greece, mercenaries, Xenophon, Anabasis, crisis of the polis.
The article provides social and psychological features of Greek mercenaries of the Classical period based on analysis of «Anabasis» by Xenophon. The concept of polis crisis, as a social and psychological phenomenon, is used as a methodological basis for this work. The article also makes a conclusion about mixed images of the crisis in the social and psychological portrait of mercenaries of the early 4th century BC – on the one hand, their main interest was receiving a profit, on the other hand, during the campaign they reproduced polis behavioral models.

Сочинения Ксенофонта уже неоднократно изучались в историографии как в специальных работах [1; 5; 7; 10], так и в исследованиях по отдельным проблемам поздне-классической Греции – развитию политической мысли [9; 11], военной истории [12], кризису полиса [6]. Произведения Ксенофонта тесным образом связаны с его судьбой, и объяснение их особенностей, достоинств и недостатков можно найти в самой биографии автора. Молодые годы

Ксенофонта совпали с деятельностью его учителя Сократа и упадком афинской демократии. Поражение Афин и судьба Сократа, павшего жертвой радикальной демократии в послевоенных Афинах, разуверили Ксенофонта в целесообразности демократического режима, обратив его взор на олигархическую Спарту как на идеал государственного порядка [1; 7]. Ксенофонт был очень плодовит и писал на самые разнообразные темы, начиная с истории и философии и кончая хозяйством, лошадьми и охотой.

«Анабасис Кира» – одно из главных сочинений Ксенофонта, состоящее из 7 книг, написанных им в IV веке до н.э. В них описывается поход 10 тысяч греков-наёмников под руководством Кира Младшего (младшего сына персидского царя Дария II) от западного берега Малой Азии в глубь Месопотамии и отступление их к берегам Чёрного моря. Целью похода было свержение персидского царя Артаксеркса II (старшего сына Дария II). Однако поражение при Кунаксе (401 до н.э.) и смерть Кира значительно изменили ситуацию. Греческие наёмники, оставшиеся без нанимателя и стратегов, были вынуждены отступать из Персии.

Примечательно, что «Анабасис» был создан Ксенофонтom под псевдонимом – в своей «Греческой истории» он ссылается на него как на сочинение, написанное Фемистогеном Сиракузцем (Hellen. III. 1. 2). Ксенофонт был непосредственным участником «похода десяти тысяч», что позволило ему отразить в «Анабасисе» те детали быта, которые обычно не проявляются в исторических сочинениях. Но есть и обратная сторона – Ксенофонт в силу личных воззрений зачастую бывает предвзят, поэтому к его произведениям следует подходить с надлежащей осторожностью. В случае «Анабасиса» это касается главным образом моментов, когда он пишет о самом себе, явно преувеличивая собственные заслуги. Возможно, псевдоним был использован именно с этой целью [1].

Задачами данной работы будет, во-первых, выявление социально-психологических черт наёмника по «Анабаси-

су», а во-вторых, оценка произведения Ксенофонта как источника по истории греческого наёмничества.

Первая, и основная, отличительная черта наёмника – он добровольно нанимается на военную службу за определённую плату. Желание наёмника принять участие в той или иной военной кампании, как правило, зависит от двух факторов: рискованности предприятия и сулимой платы. Подобный элемент психологии наёмника нашёл отражение в эпизоде, когда солдаты «отказывались идти дальше, подозревая, что идут на царя, а нанимались они, – таковы были их слова – не с этой целью» (изначально Кир собирал войско под предлогом войны с сатрапом Лидии – Тиссаферном). Причём когда один из стратегов стал принуждать их идти вперёд, в него полетели камни (I. 3. 1). На солдатском собрании была высказана такая идея: если настоящее предприятие Кира окажется сходным с теми, для которых он и раньше употреблял наёмников, то следует всё же идти с ним. Однако если оно «значительнее прежних, труднее и опаснее», то разумно будет просить прибавку к жалованью (I. 3. 18–19). Только после длительных уговоров и увеличения жалованья солдаты согласились продолжать поход (I. 3. 20–21; I. 4. 11–13).

Показателен также другой, более поздний эпизод, когда фракийский царь Севф предложил уже «бесхозным» наёмникам поступить к нему на службу, пообещав им жалованье, но в результате не смог выплатить его полностью. Когда наёмникам заплатили, оказалось, что за месяц службы они получили жалованье только за 20 дней (VII. 5. 4); Ксенофонт, поручившийся за Севфа перед солдатами, пришёл в негодование (VII. 5. 5); солдаты, в свою очередь, разозлились на Ксенофонта, а Севф был раздражён постоянным требованием жалованья для солдат (VII. 5. 7).

Для наёмников выплата жалованья – главная мотивация к действию, без него они могут отказаться воевать вообще (VI. 4. 8). Ксенофонт высказывает эту мысль, говоря Гераклиду (ответственному за продажу добычи, с выруч-

ки которой выплачивалось жалованье), что тот должен был «занять деньги или даже продать свою одежду, раз этого нельзя было достигнуть другим способом» (VII. 5. 5) ради полной выплаты жалованья. Таким образом, можно сказать, что для наёмника делом первостепенной важности были знание рисков предприятия, соответственный им размер жалованья, а также своевременность выплат.

Часть получаемых наёмником денег расходовалась им же самим в ходе самого похода на закупку продовольствия. Во время похода перед войском постоянно вставала насущная проблема – где раздобыть пищу и кров. Избегая ненужных конфликтов, эллины по большей мере старались покупать продовольствие на рынках, где это было возможно (III. 2. 21; V. 1. 6). Но такая возможность представлялась далеко не всегда. С одной стороны, у многих наёмников отсутствовали необходимые средства (V. 1. 6; 6. 19), с другой – местное население могло не предоставлять рынки. И тогда войско было вынуждено идти на грабёж.

Сразу следует сделать оговорку – грабёж и, как следствие, военные стычки с местным населением происходили во враждебных грекам областях: на непосредственно персидских территориях (III. 5. 1), землях кардухов (IV. 1. 10), халибов (IV. 7. 15), халдеев (IV. 3. 3–4), колхов (IV. 8. 9), а также фракийцев (VII. 3. 2–7). Сами же греки, если не было острой нужды в припасах, стремились по возможности заключать мир – например, с макронами (IV. 8. 3–7) и мосиноиками (V. 4. 2–9). Ксенофонт описывал отношения войска с местными жителями примерно так: если войско располагает рынком, то оно покупает необходимое ему продовольствие. В случае же когда местные – неважно, варвары или греки¹ – отказывались торговать с наёмниками, войско захватывало припасы силой (V. 5. 16–18).

Награбленное распределялось между солдатами по следующему принципу: когда войско останавливалось

¹ Наёмники грабили не только варваров, и эллинский город Котиора – тому пример (V. 5. 6).

для отдыха, желающие могли отправиться за добычей и в таком случае забрать её себе, но когда войско выходило в поход, вся добыча, даже захваченная отдельными воинами, считалась общей (VI. 6. 2).

Во время наступательного этапа похода в войске периодически возникали конфликты между греками-наёмниками разных стратегов (I. 5. 11–17), между греками и варварами (II. 4. 9–11; 5. 34–35). После ухода варварской части войска Ксенофонт не отмечает каких-то значимых конфликтных ситуаций. Все стратегические решения принимались самими солдатами на сходках, в ходе голосования – к примеру, вопрос о порядке командования армией, когда вместо нескольких предводителей предлагался один (VI.1.17–18). Конечно, разногласия всё же возникали, но не так остро и решались диалогом² – например, когда Ксенофонтом был поднят вопрос о том, чтобы остаться в Понте и основать свой полис, не возвращаясь в Элладу, то лишь немногие согласились с ним, большинство же желало продолжать путь (V. 6. 15; 19). Упомянутое выше предложение о единоличном командовании в результате провалилось, и войско распалось (VI. 2. 12). Правда, в конце концов оно воссоединилось снова (что было радостно воспринято солдатами) и голосованием постановило продолжать путешествие (VI. 3. 24). Стоит отметить ещё один момент – за безответственное выполнение обязанностей стратега последний штрафовался определённой денежной суммой (V. 8. 1).

Среди наёмников явно порицались трусость и всяческие проявления своеволия. Поощрялись же храбрость и коллективизм. Подобные идеи прослеживаются через весь труд Ксенофонта, наглядный тому пример – случай, когда один из эллинов отказался нести тяжело раненного товарища, решив похоронить его. Сам воин аргументировал это тем, что раненый всё равно скоро умрёт, после чего получил от Ксенофонта удар, а остальные его поддержали,

² Важно отметить, что упомянутый ранее конфликт между наёмниками разных стратегов чуть было не привёл к военному столкновению.

говоря, что тот «ещё мало его бил» (V. 8. 8-12). Сам Ксенофонт приводит в списке добродетелей такие качества, как скромность и уважение к старшим (I. 9. 2-5), храбрость (I. 9. 14-15), забота о друзьях (I. 9. 20-22), искусность в военном деле (II. 6. 1), доблесть и справедливость (II. 6. 18), а среди дурных качеств – клятвопреступления (II. 5. 41), ложь и обман (II. 6. 21-22), трусость (II. 6. 30).

Важно обратить внимание также на религиозную жизнь наемников, которая составляла важную часть их повседневности. Получая прибыль, стратеги не забывали оставлять её десятую часть «для богов» (V. 3. 4-5) – на подношения³. При любом удобном случае эллины не забывали и о жертвоприношениях, а иногда это даже влияло на принятие стратегически важного решения – даже когда припасы войска подходили к концу, Ксенофонт не отдавал приказа о выходе до тех пор, пока не получил благоприятные предзнаменования (VI. 4. 16-19). Эллины интересовались предзнаменованиями и при заключении союзов с местными племенами, как это произошло, например, с тибаренами (V. 5. 2-3). Наёмники скрупулёзно соблюдали обычай захоронения павших на поле боя (IV. 2. 18; V. 7. 30-31; VI. 5. 5-6). Также по прибытии в эллинские города солдаты устраивали гимнастические состязания и пиры (IV. 8. 25-28; V. 5. 5; VI. 1. 4).

Подводя итоги нашему анализу «Анабасиса», можно сказать, что для наёмника были важны знание рисков предприятия, в котором он принимает участие, а также соразмерность и своевременная выплата жалованья. В отношениях с местным населением наёмники старались, где это было возможно, закупать припасы на рынках и только в случае острой необходимости забирать их силой. Более-менее значимые конфликты в войске существовали лишь до момента предательства греков варварами, но впоследствии среди эллинов, за редким исключением, царило относительное со-

³ Ксенофонт, например, на эти деньги изготовил приношение Аполлону и поместил его в храм в Дельфах (V. 3. 5).

гласие. Вероятнее всего, причиной такого миролюбия стала критическая ситуация, в которой оказалось войско.

Идеалами добродетелей для наёмника являлись храбрость, честность и дух товарищества, а клятвопреступники, лжецы и трусы всячески порицались. В культурном же плане наёмники ничем не отличались от прочих греков, соблюдали все те же религиозно-культурные обряды, а также полисные модели – штрафы командирам за нерадивое выполнение обязанностей и солдатские сходки как аналог народного собрания.

В историографии распространено мнение, что кризис полиса был вызван не столько социально-экономическими и политическими проблемами, сколько социально-психологическими, а именно размыванием понятия гражданства. В частности, чешский исследователь Ян Печирка полагал, что, рассуждая о кризисе полиса, следует говорить о кризисе «общины граждан», т.е. социальных и идеологических основ полисной модели [13]. Схожие соображения высказывала и Л.М. Глушкина [2], отмечавшая, что кризис был вызван разложением основных принципов полисного устройства – ослаблением связи между гражданином и землёй в результате развития денежных отношений. Этот процесс, в свою очередь, способствовал ослаблению тесной связи между гражданином и государством. Л.М. Маринович также утверждала, что первоначальную причину кризиса следует искать в изменившемся экономическом укладе полиса, что в итоге и вызвало разложение гражданского коллектива [6]. В последние годы концепцию социально-психологической природы кризиса полиса, выразившегося в смене ментальности «от гражданина к подданному», активно отстаивает И.Е. Суриков [8].

Однако на примере «Анабасиса» этот процесс однозначно выявить не удаётся. Показательно, что у наёмников отсутствовали мелочные конфликты после гибели военачальника Кира. По сути, мы имеем дело с самоорганизацией войска, что можно объяснить как раз полисным стро-

ем – привычкой к народному собранию как высшему органу власти (напомним о солдатских сходках) и стратегам как полисным магистратам (которые также штрафовались). Получается, что, с одной стороны, наёмники объективно отрываются от гражданской общины, способствуя разложению полиса [4], а с другой – в условиях похода они действуют как граждане. Возможно, ключ к решению этого противоречия состоит в переходном характере той эпохи, когда происходили события «Анабасиса» – ведь тогда кризис полиса только начинался.

Библиографический список и источники

1. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX века. СПб., 2005.
2. Глускина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 2. С. 5–43.
3. Ксенофонт. Анабасис / пер. и примеч. М.И. Максимовой. М., 1951.
4. Ксенофонт. Греческая история / пер. и примеч. С.Я. Лурье. СПб., 2000.
5. Максимова М.И. Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. М.; Л., 1951. С. 229–245.
6. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.; Л., 1975.
7. Соболевский С.И. Ксенофонт, его жизнь и сочинения // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1995. С. 255–281.
8. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
9. Фролов Э.Д. Ксенофонт и поздняя тирания // ВДИ. 1969. № 1. С. 108–124.
10. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
11. Шишко Е.П. Образ идеального правителя в политической литературе позднеклассической Греции (к становлению монархической идеи). СПб., 2003.
12. Parke H. Greek Mercenary Soldiers. Chicago, 1981.
13. Pecirka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C. // Eirene 1976. № 14. P. 5–29.

У.М. Стецко

ОЦЕНКА ПРИЧИН И ДВИЖУЩЕЙ СИЛЫ ТАЙПИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Тайпинское движение, Китай, XIX век, династия Цин, опиумные войны, историография, история Нового времени.

Актуальность данной работы связана с малоизученностью темы и обусловлена сложной социально-политической ситуацией в мире. Тайпинское движение, приведшие к продолжительной крестьянской войне, одно из значимых событий XIX в. не только в истории Китая, но и в мировой истории. В работе приводятся основные теоретические воззрения советских исследователей по вопросам причин, характера и движущих сил тайпинского движения 1850–1864 гг. Дан анализ историографического материала по заявленной проблематике.

U.M. Stecko

ASSESSMENT OF THE CAUSES AND DRIVING FORCES OF THE TAIPING MOVEMENT OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY

Taiping movement, China, XIX century, the Qing Dynasty, the Opium War, historiography, the history of modern time.

The relevance of this work is connected with the little-studied topics, but due to the difficult socio-political situation in the world. Taiping movement, which led to a long peasant war, one of the significant events of the XIX century, not only in the history of China, but also in the world history. The paper presents the basic point of view of Soviet researchers on the causes and driving forces of the Taiping movement 1850–1864 period. The analysis of the historiographical material stated problem.

Тайпинское движение имеет огромное значение и занимает видное место в истории Китая XIX в. Противостояние тайпинов и официальной власти в лице династии Цин – это одно из крупнейших социально-политических волнений в жизни Поднебесной. В отечественной историографии изучение различных аспектов истории тайпинского движения занимает одно из значимых мест среди работ,

посвященных истории Китая XIX в. Тайпинское движение часто становилось предметом внимания исследователей разных сфер гуманитарного знания, в том числе и историографии. Но системного исследования рассматриваемого нами сюжета китайской истории проделано не было.

Исследователями рассматривались отдельные аспекты проблемы (социально-экономические проблемы крестьянской войны тайпинов, социальный состав участников движения и социальная политика Тайпин-тяньго). Вместе с тем значимые для развития отечественной синологии проблемы социально-политической истории Китая рассмотрены не были. Выявление характера движущих сил тайпинского движения, его места в освободительной борьбе и процессах модернизации Китая не получило должного освещения в историографических работах отечественных авторов. Таким образом, выявление социально-политической природы и исторической роли тайпинского движения 1850–1864 гг. до сих пор остается актуальным объектом исследования отечественных ученых.

В советскую эпоху изучением данного вопроса занимались Г.С. Кара-Мурза [8], П.А. Гриневич [2], В.Г. Ефимов [4], В.П. Илюшечкин [6] и другие. Работы первой половины XX в., располагающие слабой источниковой базой и опирающиеся на марксистскую идеологию, рассматривали проблемы, связанные с военной, идеологической, культурной и политической деятельностью тайпинов. Вторая половина XX в. отмечена пристальным изучением советской наукой вопросов, связанных с социальной и экономической деятельностью тайпинов. Несмотря на однородность марксистско-ленинской методологии анализа социальных движений в странах Востока, советские китаеведы неоднозначно оценивали такие аспекты тайпинского движения, как религиозно-синкретический характер его идеологии и сложный сословно-классовый состав движущих сил восстания.

Целью работы являются характеристика и анализ различных оценок советских исследователей о причинах и дви-

жущих силах тайпинского движения, обусловленных различными факторами развития отечественной синологии и ее проблемного поля. Весь период изучения тайпинского восстания в советском китаеведении условно можно разделить на несколько этапов. Интерес к тайпинам как участникам массового протестного движения в традиционном китайском обществе сохранялся на всех этапах развития советской историографии. Теоретико-методологическим основанием оценок и подходов отечественного китаеведения к изучению социальных движений были классические постулаты марксизма-ленинизма о классовой борьбе как главной движущей силе социальных изменений. Но даже анализ тайпинского движения с точки зрения марксистской методологической системы приводил разных исследователей к разным оценкам характера этого феномена. В итоге события 1850–1864 гг. в социально-политической истории Китая оценивались одними авторами как крестьянская война, другими как революция, третьи считали тайпинов участниками антиправительственного мятежа.

Особое внимание проблемам тайпинского движения в советской историографии уделял Г.С. Кара-Мурза. В его работе «Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство» освещаются причины, ход и итоги событий 1850–1864 гг. в Китае, а восстание оценивается как великая крестьянская война. Отдавая дань идеологии марксизма-ленинизма, автор отводит восстанию роль великой освободительной борьбы народа Китая против феодальных порядков Цинской монархии. Причины восстания Г.С. Кара-Мурза видит в недовольстве рядовых китайцев властью цинских феодалов и их несметными богатствами, отсутствием фактической свободы и национальной дискриминацией большинства ханьского населения Китая маньчжурской династией. Толчком к тайпинскому восстанию автор считает поражение Китая в первой опиумной войне с Англией 1839–1842 гг. [8, с.20]. Следовательно, по мнению автора, восстание было обусловлено не только социальными, но и внешнеполитическими фактора-

ми. Главной силой сопротивления цинской монархии Г.С. Кара-Мурза называет крестьянство – основной оплот борьбы с мандаринами (чиновниками). «Движение чрезвычайно быстро распространилось среди широких масс гуансийского крестьянства... К ним примкнули и угнетенные народности цизя, тай и другие» [8, с. 38]. Исходя из оценки крестьянства как основной движущей силы движения сопротивления господству маньчжурской монархии, автор охарактеризовал тайпинское восстание как великую крестьянскую войну.

В.П. Илюшечкин в работе «Аграрная политика тайпинов» выделяет среди основных причин тайпинского восстания следующие: концентрация обрабатываемой земли в руках помещиков, обезземеливание крестьян-собственников, рост арендной платы за землю, увеличение налогов для сельского населения. Следствием перечисленных проблем становится ухудшение условий жизни крестьян. Исходя из этого, Илюшечкин выделяет крестьянство как основного участника и движущую силу тайпинского восстания [6, с.28].

В работе «Крестьянский коммунизм» [7] В.П. Илюшечкин приводит ряд причин, среди которых видит и классовые противоречия, и национальные. Противоречия между крестьянами и феодалами, между китайцами и маньчжурами, а также между угнетенными национальными меньшинствами Цинской империи, с одной стороны, и угнетавшими их маньчжурскими и китайскими феодалами с другой. Концентрированным выражением протеста против дискриминационной политики Цин и стремлением к восстановлению социальной справедливости стали, по мнению автора, воззрения Хун Сюцюаня [7, с. 58].

Н.А. Королева в работах выделяет национальный признак как базовый импульс и мотив восстания тайпинов против инационального господства династии Цин в Китае. Исходя из этого, основной причиной тайпинского восстания она считает недовольство широких масс китайского населения засильем маньчжурских феодалов.

В работе «Современная буржуазная историография о характере и движущих силах восстания тайпинов» [9] автор соглашается с частью доводов зарубежных исследователей о патриотическом характере движения тайпинов. Н.А. Королева считает основной движущей силой восстания этническое большинство населения Китая, недовольное национальной и социально-экономической политикой маньчжурской династии Цин [9, с.110].

В.Л. Ларин в исследовании «Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-х годах XIX века» [10], наряду с восстанием в юго-западных провинциях Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу, затрагивает и тайпинское восстание. В частности, называя необходимость свержения Цинской династии одной из причин восстаний на территории Китая в 50–70-е гг. XIX в., автор обозначает характер восстания как антиправительственный и антифеодальный, а основной движущей силой считает крестьян [10, с.10].

В работе Г.С. Ефимова «Очерки по новой и новейшей истории Китая» в главе, посвященной тайпинскому восстанию, автор выделяет разные группы участников движения за торжество идей небесного равенства: «крестьяне, ремесленники, горнорабочие, представители помещичьешэньшуйских кругов» [4, с. 49]. По мнению автора, для тайпинского восстания характерна широкая социальная база участников движения. Причинами восстания автор называет необходимость борьбы против маньчжурской династии, в которой воплотились и сконцентрировались все отрицательные стороны существовавшего режима: деспотический характер власти Цинского правительства, антинародная политика ущемления прав и культурной самобытности большинства ханьского населения Китая, капитуляция перед Западом в ходе «опиумной войны» и подписания неравноправных договоров. Г.С. Ефимов в исследовании отмечает широкий спектр проблем, которые в конечном итоге выливаются в одно из крупных социально-политических движений XIX века в мировой истории.

В коллективной монографии «Зарождение идеологии национально-освободительного движения XIX – начало XX вв.», посвященной национально-освободительной борьбе против феодальных порядков, А.Г. Крымов и В.Н. Никифоров, наряду с другими авторами, причинами антиправительственных выступлений тайпинов выделяют необходимость борьбы против национального гнета. Позиционируя тайпинское движение и программу тайпинов как движение антиманьчжурской направленности, они утверждают следующее: «Тайпины призывали всех китайцев подняться на вооруженную борьбу против маньчжурских “варваров”, за свержение их власти и освобождение Китая» [5, с. 391]. Следовательно, тайпинское движение авторами рассматривается как национально-освободительная борьба китайского народа.

В коллективной монографии «Века неравной борьбы» под редакцией В.Н. Никифорова авторы отмечают, что тайпинское восстание носило четко выраженный антифеодальный характер, а к его главным причинам относят рост налогообложения, отмечая при этом, что рост цен на сельскохозяйственную продукцию отставал от динамики роста цен на серебро.

В свою очередь, финансовый кризис в Китае середины XIX в. исследователи связывают с необходимостью выплаты огромной контрибуции в результате поражения Цинского правительства в опиумной войне с Англией. Большую часть этого бремени должен был вынести основной класс китайских налогоплательщиков-земледельцев, так как главным налогом был поземельный. Таким образом, вторжение Англии в Китай ускорило, по мнению авторов, развитие социальных противоречий в стране, обострив и классовые, и национальные антагонизмы. Следовательно, авторы относят к предпосылкам выступлений тайпинов внешнеполитические проблемы, созданные в ходе превращения Китая в полуколонию Англии, и последствия «опиумных войн» [1, с. 129].

Подводя итоги исследования, нужно заметить, что в части работ советских китаеведов, рассмотренных в данной статье, основными причинами восстания называются недовольство крестьян как ухудшающимся экономическим и социальным положением, так и недовольство маньчжурскими порядками и политикой национального угнетения большинства ханьского населения Китая представителями правящей маньчжурской элиты в лице Цинской династии. Историки считают основной движущей силой восстания налогооблагаемые категории китайского населения, что позволяет оценивать тайпинское восстание как антифеодальное, антиманьчжурское и национально-освободительное одновременно.

Библиографический список и источники

1. Века неравной борьбы. М., 1967.
2. Гриневич П.А. Джентри и купечество в тайпинской революции // Тайпины. М., 1928.
3. Делюсин Л.П. Земельная программа Небесной династии и ее оценки // Китайские социальные утопии: сб. ст. М., 1987.
4. Ефимов Г.Е. Очерки новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
5. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX–начало XX вв.). М., 1973.
6. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
7. Илюшечкин В.П. «Крестьянский коммунизм» тайпинов // Народы Азии и Африки. 1972. № 3. С. 57–66.
8. Кара-Мурза Г.С. Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850–1864. М., 1941.
9. Королева Н.А. Дискуссия историков КНР о характере и движущих силах восстания тайпинов // Аграрные отношения и крестьянские движения в Китае. М., 1974. С. 99–112.
10. Ларин В.Л. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-е гг. XIX в. М., 1986.
11. Тайпинское восстание. 1850–1864 гг.: сб. документов. М., 1960.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АУШЕВА ЛЕЙЛА ХАСАНОВНА – студент, Новосибирский государственный педагогический университет;
e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

ИПЕЕВА Анастасия Александровна – аспирант, Сибирский федеральный университет; e-mail: didifgora@mail.ru

ЗАЙЦЕВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – стажер-исследователь, Школа актуальных гуманитарных исследований и государственной службы, Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ (Москва);
e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

МАКИДОН АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА – студентка, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

МЕЛЬНИКОВА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА – студентка, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

МОЛОДЕЦ Дмитрий Сергеевич – студент исторического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева;
e-mail: sventovidlo@mail.ru

СТЕЦКО УЛЬЯНА МУССОВНА – аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет;
e-mail: dmitrijgrigore@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Х. Аушева

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
Х. ОРТЕГА-И-ГАССЕТА «ВОССТАНИЕ МАСС»

L.H. Ausheva

THE PROBLEM OF PERSONALITY IN THE WORKS
OF ORTEGA Y GASSET «REVOLT OF THE MASSES» 3

Д.В. Зайцев

ПЕРВАЯ АФИНСКАЯ КЛЕРУХИЯ НА ЭВБЕЕ
И ИТОГИ ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ

D.V. Zaitsev

THE FIRST ATHENIAN CLERUCHY ON EUBOEA
AND RESULTS OF LELANTINE WAR 7

А.А. Ипеева

ГОТО СИМПЭЙ КАК ИДЕОЛОГ ОБРАЗА РОССИИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ЯПОНИИ 1920-х гг

A.A. Ipeeva

GOTO SIMPAY AS THE IDEOLOGUE OF RUSSIA,S
IMAGE IN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT
IN JAPAN IN THE 1920-s..... 15

А.Д. Макидон

ГЕРОЙ СИБИРИ – Н.Н. МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ:
ВЕРСИЯ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА» 1880–1917 гг.

A.D. Makidon

HERO OF SIBERIA – N. N. MURAVI'OV-AMURSKYY:
VERSION OF MAGAZIE «RUSSIAN ANTIQUITY» 1880–1917 22

М.А. Мельникова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВОЗЗРЕНИЯХ АЙН РЭНД

M.A. Melnikova

THE INTERACTION OF MAN AND SOCIETY
IN THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF AYN RAND..... 30

Д.С. Молодец
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НАЕМНИКОВ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ
ПО «АНАБАСИСУ» КСЕНОФОНТА
D.S. Molodets
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES
OF MERCENARIES IN CLASSICAL GREECE
ACCORDING TO XENOPHON'S ANABASIS.....35

У.М. Стецко
ОЦЕНКА ПРИЧИН И ДВИЖУЩЕЙ СИЛЫ
ТАЙПИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
U.M. Stecko
ASSESSMENT OF THE CAUSES
AND DRIVINGFORCES OF THE TAIPING OVEMENTOF
THE SOVIET HISTORIOGRAPHY 43

ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО:
история и перспективы развития

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Материалы I Всероссийской конференции
аспирантов, магистрантов, студентов

Красноярск, 18 ноября 2015 г.

Электронное издание

Редактор *М.А. Исакова*
Корректор *Ж.В. Козуница*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 19.11.15.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 3,3